

ВСЕ, КАК В «ЖИЗЕЛИ»...

Наталья Макарова: «Тело остается моим инструментом и дает мне некоторое преимущество перед драматическими актерами»

Наталья Зозулина

Театр

СЕНСАЦИЕЙ на Западе стало участие Натальи Романовны Макаровой в драматическом спектакле: в пьесе Жака Девалла «Товарищ» она сыграла роль русской княгини-эмигрантки, завоевав в глазах английской критики репутацию «по-настоящему выдающейся драматической актрисы». А вскоре и в России ожидается ее премьера в спектакле «Двое на качелях» Романа Виктюка.

— Прежде всего, Наталья Романовна, еще до всех вопросов удовлетворите, пожалуйста, любопытство политизированных читательских слоев: что пережили вы во время августовского путча?

— Не только я, но весь западный мир в те дни был прикован к телевизорам. Трудно было даже представить, что люди на Западе способны на подобную солидарность с русскими. Я это ощутила непосредственно, на своем спектакле «Товарищ» в день, когда стало известно о победе. Тот спектакль не забыть никогда. Публика была настолько наэлектризована, что весь текст пьесы с ее русскими проблемами воспринимался как специально написанный к этому дню. Был огромный подъем. После спектакля я обратилась со сцены к залу: «Двадцать лет назад я выбрала свободу — свободу жить, мыслить, танцевать. Сегодня мой народ сделал то же самое». И закончила словами из спектакля: «Бог есть. И, может быть, сегодня Бог — русский». Все поднялись с мест...

— Значит, теперь... с главных балетных ролей — на главные драматические?..

— А я на собственном опыте убедилась, что разница между ними не так велика. И там, и там в основе исполнения (на мой взгляд) — внутренняя концентрация и отдача энергии. Порыв всегда идет изнутри — но если раньше я переводила его в движения, то теперь — в слова. Главное — спонтанность. Да, да, не удивляйтесь. Если ты сама не наполнена и твой дух не захвачен эмоциями, публике ничего не передается и с ней ничего не происходит — ни в драме, ни в балете. Это-то и роднит оба искусства, а формы — слова, танец или что другое — не имеют значения.

— Но есть же все-таки некий барьер, разделяющий актерское существование в балете и драме.

— Опять-таки не удивляйтесь: барьер чисто психологический. Да, в драме существуют техника свои законы, но овладеть

Фото Дины Макаровой.

ими после балетной закалки легко. Я училась прямо на ходу, во время спектаклей. Всему можно научиться!

Мой источник — музыка. В драматическом театре мне больше всего не хватает как раз музыки, которая всегда вдохновляла, вела меня за собой в балете. Но мое тело здесь тоже «звучит», оно по-прежнему остается моим инструментом, давая мне даже некоторое преимущество перед драматическими актерами. Ведь словами всего не выразишь, а когда к ним добавляется пластика, то ясным становится не только сказанное, но и несказанное. Именно в драме я нахожу актерский синтез, о котором мечтала всю жизнь. К тому же здесь возможно достичь такого же душевного накала, такой же экспрессии, что и в балете, но без пота и полного изнеможения, когда просто умираешь от усталости, а все равно надо танцевать, что же счастье!

— Похоже, вы так влюблены теперь в драму, что готовы наделять ее всеми достоинствами балета.

— Сейчас я не могу выразить себя в танце. И должна так себя настроить, чтобы увлечься

иным. Балет — это уже мое прошлое, а в драме — мое настоящее и, надеюсь, будущее. Впрочем, хотя ныне я вроде бы легальная драматическая актриса, в дальнейшем все зависит от случая, от удачи.

— А сегодня... удача с вами?

— Пока — да. Я считаю огромной удачей наш складывающийся союз с замечательным режиссером Романом Виктюком. Он работает безумно интересно, темпераментно, по-настоящему знает музыку и просто помешан на балете, требуя от актеров все выражать через тело. Так что мы прекрасно понимаем друг друга.

Сначала он предложил мне пьесу об Элеоноре Дузе. Но, как ни заманчиво, пришлось отказаться. Мне еще рано братья за такие сложные вещи. Хотя я чрезвычайно благодарна Виктюку — он дает мне веру в себя как актрису.

— А на чем остановились?

— «Двое на качелях» Гибсона. Пьеса очень хороша, о несостоявшейся любви, недостижимости идеальных чувств, с героиней, внутренне очень уязвимой. Почти все, как в «Кизе-ли»...